

НАШ КОНТИНЕНТ — ВЛЮБЛЕННЫЕ СТАНИСЛАС ДЕ КЕРСИС, CARTIER

— Cartier, Calibre de Cartier Diver Pink Gold, 2014

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

В ЭТОМ ГОДУ МЫ БУДЕМ ОТМЕЧАТЬ
БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК — 30 лет
fondation cartier

Станислас де Керсис уже второй год командует главным ювелирным домом группы Richemont. Под его руководством разрабатываются все новые и новые линии, которые должны обеспечить первенство Cartier в часовом направлении.

— Довольны ли вы выставкой Cartier в Гран-пале?

— Как же можно быть ею недовольным? У нее было 130 тыс. посетителей за три недели! И мы очень довольны тем, что мы работаем в музейном поле. Во-первых, мы делаем вещи, которым суждено пережить десятилетия и даже столетия. Часы Tortue, например, которые мы возродили к этой SIHH, были придуманы в 1912 году, им больше ста лет. Во-вторых, эти вещи оценены во всем мире, на всех широтах, вне зависимости от национальных и географических особенностей. Cartier — и в Африке Cartier, и в Америке. Вне зависимости от того, какого цвета обложка вашего паспорта. И в-третьих, мы умеем сохранить ценность на протяжении долгих лет, потому что на аукционах мы первые в ювелирном искусстве и в первой тройке — в часовом. То есть Cartier — это инвестиция в искусство и инвестиция на долгое время.

— Когда видишь в музеях выставки современных марок, думаешь иногда — не для того ли, чтобы оправдать цены? Чтобы доказать клиентам: вы покупаете музейные вещи?

— Для Cartier это не так. Первая музейная выставка нашего дома прошла 27 лет назад в парижском музее Пти-пале и с тех пор у нас было более 20 выставок по всему миру. В Метрополитен-музее, в московском Кремле, в Запретном городе Пекина, в Британском музее. Но не мы выбираем вещи. Каждый раз мы даем карт-бланш куратору, который свободен выбирать из нашей коллекции все, что ему нравится, все, что подходит по теме. Мы считаем, что и ювелирное, и часовое дело лежит в пределах искусства. Это не изобразительное искусство, конечно, это прикладное искусство, но оно тоже достойно музея и имеет право на свое место в истории. К тому же мы не ограничиваемся музеями. Сотни тысяч посетителей — это одна цифра года. Другая — 102 новые модели, которые представляют наше творчество в самых разных сегментах — и в Haute Joaillerie, и в Haute Horlogerie.

— У вас в этом году немало концептуальных, сложных и сверхсложных моделей, разработанных командой Кароль Форестье-Казани. Вы не будете теперь заказывать, как когда-то, усложнения на стороне?

— Мне кажется что у нас сейчас один из лучших проектных отделов среди всех часовых марок. Если мы разрабатываем новаторские механизмы внутри нашего дома, то можем направлять поиски, концентрироваться на самом для нас важном.

— Дом Cartier удивил многих, представив в этом году часы для ныряльщиков. Настоящий сюрприз — от ювелирной марки этого не ожидали.

— В чем же сюрприз? Нам всегда хватало отваги и умения представлять часовое дело каким-нибудь особенным образом. Вы же помните, что первые наручные часы были сделаны Луи Картье для авиатора Сантос-Дюмона, потом последовала революция эстетическая, когда появился «танк» и стало ясно, что часы могут быть не только круглой формы. Затем была революция «магических» часов, которые из настольных удалось сделать карманными, а там и наручными. Мы должны постоянно производить новые вещи, которые давали бы возможность смотреть на время новым взглядом.

— Какие тенденции сейчас важнее для Cartier — ювелирные или часовые?

— Сегодня нам надо одновременно работать в двух направлениях. Клиенты набивают руку, становятся знатоками, они хотят большего — и в смысле механизмов, и в смысле техники ювелирной работы. Они требуют находок, новизны — мы делаем циферблаты в технике микромозаики, часы с отсегивающимися частями, которые могут превращаться в ювелирные броши. Мы все время ищем — и механизмы, и оформление. Пусть наши вещи изнутри будут так же красивы, как снаружи.

— Какие культурные проекты запланированы на этот год?

— Исполняется 30 лет Fondation Cartier — большой организации, которая занимается современным искусством и находится в Париже на бульваре Распай в здании, спроектированном Жаном Нузелем. Мы сделаем настоящий парад всего лучшего, что было там выставлено за три десятилетия. Этот проект рассчитан на целый год: художники смогут рассказать, что они думают про наш фонд, который был специально создан ради их самовыражения.

— Бывало ли такое, чтобы художник, выставившийся в Fondation Cartier, делал потом что-нибудь для дизайна вашей марки?

— Никогда. Здесь существует полное разделение. Это было бы просто вульгарно: одной рукой предлагать художнику самовыразиться, а другой — тут же выманить у него что-нибудь коммерческое.

— Марка Cartier очень популярна в Азии. Почему же выпуск модели Tank Chinoise не возобновлен? Она была бы хороша для китайского рынка.

— Ну если так рассуждать, надо считать, что Tank americain — для американского рынка, а Tank anglaise — для английского. Мы делаем вещи для всех. И понимаем, к примеру, что Китай не оценит часов, адресованных ему специально, как будто бы наши клиенты там не в состоянии оценить европейский стиль.

— Какие рынки для вас самые главные? Россия? Азия? Латинская Америка? Какая страна? Какой континент?

— Какой континент? Влюбленные. Ну еще коллекционеры и любители красоты.

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов